КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Апрѣля. № 8. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ЛАТИНСКИХЪ ПРОПОВѢДНИКАХЪ НА РУСИ КІЕВСКОЙ ВЪ X И XI ВѢКАХЪ.

«Пріидоша нѣмцы отъ Рима... Рече же Володимеръ нѣмцамъ: идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть». Несторъ.

Въ первые вѣка нашей эры христіанство распространялось проповѣдью частныхъ лицъ и мѣрами чисто-нравственными. Частныя же лица и отчасти помѣстныя церкви тѣми же исключительно-нравственными средствами распространяли христіанство у варваровъ и въ то время, когда христіанство сдѣлалось господствующимъ въ предѣлахъ греко-римской имперіи. При этомъ способѣ распространенія, христіанство выигрывало во внутренней силѣ убѣжденія вѣрующихъ, но теряло въ ихъ численности. Съ VIII вѣка на западѣ и съ IX вѣка на востокѣ этотъ способъ христіанской миссіи измѣняется: христіанство распространяется теперь главнымъ образомъ путемъ политическимъ, содѣйствіемъ государства, при помощи, конечно, дѣятелей и

средствъ церкви. Съ христіанствомъ утверждалась одна вѣра, одинъ нравственный законъ, одинаковое міросозерцаніе, одинаковые нравы и учрежденія. Христіанскія государства признаютъ важность такого объединенія съ собою окружающихъ варваровъ и заботятся объ обращеніи ихъ въ христіанство. И варварскіе народы, особенно ихъ правители, съ своей стороны видятъ въ христіанствѣ необходимое условіе для вступленія въ семью европейскихъ народовъ,—и идутъ навстрѣчу цивилизующему вліянію христіанскихъ государствъ. Распространяясь путемъ государственнымъ, сверху внизъ, проникая въ народныя массы по вліянію просвѣщеннаго деспотизма правительствъ, христіанство принималось внѣшнимъ образомъ, формально, не проникало въ глубину сознанія; за то оно пріобрѣтало сразу цѣлыя народныя единицы и его вліянію подчинялся весь общественный строй новообращеннаго народа.

Когда возникъ этотъ новый порядокъ въ распространеніи христіанской цивилизаціи, Европа раздѣлилась на два района государственно-цивилизующей дѣятельности. Центромъ перваго былъ Римъ и королевство франкское (затѣмъ имперія). Еще съ первыхъ каролинговъ франкское королевство начинаетъ проводить христіанскую цивилизацію путемъ государственнаго вліянія и мало по малу сколько силою оружія, столько же и средствами церкви соединяетъ разрозненныя племена германской расы въ твердый организмъ имперіи Карла Великаго. Въ IX и X вѣкахъ таже политика завоеванія и христіанскаго просвѣщенія сосѣднихъ народовъ распространяетъ вліяніе имперіи далѣе на востокъ—въ Даніи, у сѣверо-западныхъ славянъ, отчасти въ Чехіи, Польшѣ, Венгріи. Практическій геній романо-германскаго міра самымъ тѣснымъ образомъ соединяетъ государственную политику

съ церковною и съ неослабною энергіею проводитъ христіанство всюду, куда только проникаютъ политическія отношенія имперіи.—Другой центръ христіанской цивилизаціи лежалъ въ Византіи. И отсюда, хотя въ слабѣйшей степени, христіанство съ IX вѣка распространяется путемъ государственнымъ. Вслѣдствіе сравнительной слабости государственнаго организма Византіи, иного положенія церкви и духовенства и бо́льшаго племеннаго различія народовъ, окружавшихъ Византію, кругъ ея вліянія былъ тѣснѣе, тѣмъ не менѣе подобнымъ же государственнымъ путемъ отъ Византіи получаютъ христіанство Болгарія, Сербія, Моравія, отчасти затѣмъ Венгрія. Промежуточные пункты между западнымъ и восточнымъ районами подвергаются вліянію христіанства съ двухъ сторонъ, и въ слѣдствіе разности въ характерѣ восточной и западной церкви въ этихъ пунктахъ происходитъ болѣе или менѣе продолжительная борьба началъ восточныхъ съ западными.

По неизбѣжной необходимости всѣ европейскіе народы рано или поздно должны были принять христіанство. Не рано и не поздно, а въ опредѣленное историческими судьбами Промысла время и для нашихъ предковъ наступила пора христіанскаго просвѣщенія. Откуда же должна была принять христіанство Русь? Непосредственно она не соприкасалась ни съ византійскою, ни съ западною имперіею. Византія была ближе,—«путь въ Греки» съ незапамятныхъ временъ былъ извѣстенъ на Руси и первыя международныя сношенія нашихъ предковъ были именно съ Греціею. Но съ другой стороны ближе и ближе подходилъ къ Руси и кругъ политическихъ и нравственныхъ завоеваній запада. Энергическая пропаганда латино-нѣмецкая также должна была приразиться къ Руси, и ей, такъ же какъ Болгаріи и Мо-

равіи, предстоялъ глубокой важности вопросъ—откуда принять вѣру, чьему подчиниться вліянію—восточному или западному.

Вопросъ о латинскихъ проповѣдникахъ на Руси въ эпоху обращенія ея въ христіанство довольно разработанъ въ нашей церковно-исторической наукѣ, и преимущественно въ видахъ полемическихъ. Мы хотѣли бы только болѣе внимательно прослѣдить западныя свидѣтельства объ этихъ проповѣдникахъ и сопоставить показанія западныхъ источниковъ съ свидѣтельствами нашихъ лѣтописей.

По нашимъ лѣтописямъ латино-нѣмецкая пропаганда на Руси въ первый разъ обнаруживается при обращеніи въ христіанство св. Владиміра, къ которому приходятъ «нѣмцы отъ Рима». По западнымъ источникамъ вопросъ о выборѣ вѣры начинается раньше, еще при первой христіанской правительницѣ и строительницѣ русской земли великой княгинѣ Ольгѣ. Древнѣйшій источникъ по этому предмету современникъ событія продолжатель Регинона въ своей хроникѣ пишетъ: «Въ лѣто воплощенія Господня 959... послы Елены, княгини (reginae) Руговъ (Rugorum), которая при Романѣ императорѣ константинопольскомъ крещена была въ Константинополѣ, притворно, какъ послѣ оказалось, пришедши къ императору просили поставить епископа и пресвитеровъ этому народу. 960 г. императоръ Рождество Христово праздновалъ въ Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ киновитовъ св. Альбана посвященъ былъ въ епископа для народа Руговъ. 961 г. Либуцій, въ предшествующемъ году задержанный нѣкоторыми обстоятельствами, 15 марта умеръ, и преемникомъ ему въ епископствѣ для отправленія на чужбину, назначенъ Адальбертъ изъ киновитовъ св. Максимина,—назначенъ по интригамъ и навѣту архіепископа

Вильгельма, хотя онъ ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ и наилучшимъ образомъ былъ преданъ ему. Благочестивѣйшій императоръ, снабдивъ Адальберта съ обычною ему щедростію всѣмъ нужнымъ, съ честію отправилъ. 962 г. Адальбертъ, посвященный въ епископа для Руговъ, не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ, и видя свой трудъ тщетнымъ, возвращается, и тогда какъ нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ онъ съ большимъ трудомъ едва спасся, и прибывши къ императору, былъ принятъ имъ съ любовію» [1]).

Какъ смотрѣть на это свидѣтельство?

Молчаніе русскихъ лѣтописей объ этомъ фактѣ, странность обращенія недавно крестившейся въ Константинополѣ Ольги къ нѣмецкому императору съ просьбою прислать западныхъ проповѣдниковъ, когда всего естественнѣе было бы обращаться за ними въ Константинополь, недостатокъ указаній на посредствующія обстоятельства, которыя могли бы объяснять этотъ фактъ и наконецъ названіе русскихъ rugi, а не rusci, или russi,—все это побуждало многихъ ученыхъ относить это свидѣтельство не къ Руси кіевской, а или къ жителямъ острова Рюгена или къ племени руссовъ жившихъ въ Галиціи и называвшихся въ X вѣкѣ на востокѣ Хорватами, а на западѣ Ругами [2]). Но мнѣнія эти, при всей справедливости затрудненій признать фактъ занесенный въ западныя хроники, едва ли могутъ быть приняты. Изложенный нами разсказъ продолжателя Регинона обставленъ подробностями и указаніями, которыя могутъ быть

---

[1]) См. у Pertz т. 1, Continuator Reginonis ad an. 959—962.

[2]) Представитель перваго мнѣнія Ассемани, втораго Бѣлевскій.

отнесены только къ Руси кіевской и нашей великой княгинѣ. Притомъ и всѣ болѣе или менѣе близкіе къ этому времени западные хронисты, упоминая о фактѣ переданномъ продолжателемъ Регинона, относили этотъ фактъ именно къ Руси, слово Rugi замѣняли словомъ Rusci или Russi, причемъ особенно важно свидѣтельство Титмара, относившаго разсказъ именно къ Руси кіевской [1]). Что касается историческаго значенія этого свидѣтельства, то оно выдерживаетъ всѣ требованія самой строгой критики. Первоначальныя свидѣтельства о фактѣ принадлежатъ современникамъ и притомъ лицамъ весьма близкимъ къ повѣствуемому событію. Именно: продолжатель Регинона, первый занесшій этотъ фактъ въ лѣтописи, былъ не только современникомъ событія, но и такъ сказать очевидцемъ его: онъ былъ монахъ того же Трирскаго монастыря св. Максимина, въ которомъ жилъ и русскій миссіонеръ Адальбертъ и какъ видно изъ хроники его [2]), былъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Трудно, невозможно предположить, чтобы лицо столь близкое къ разсказу и главному дѣйствующему лицу разсказа допустило неточность въ показаніяхъ, особенно въ отношеніи къ факту столь важному и безотносительно и въ отношеніи къ другу автора—Адальберту [3]). Далѣе—самъ императоръ Оттонъ I въ грамотѣ саксонскимъ князьямъ объ интронизаціи Адальберта, назначеннаго имъ впослѣдствіи

---

[1]) Сводъ западныхъ свидѣтельствъ о посольствѣ Ольги къ императору Оттону можно читать у Шлецера. Несторъ ч. 3-я, стр. 447—452.

[2]) Cont. Reginonis y Pertz'a Monumenta Sermaniae t. I, ad an. 961 и 962. См. предисловіе Пертца тамъ же стр. 613.

[3]) Есть даже мнѣніе, что продолжатель Регинона былъ самъ Адальбертъ. Въ такомъ случаѣ сказаніе еще болѣе несомнѣнно. (Wattenbach, Deutsche Geschichtquellen t. I, 270.

на Магдебургскую архіепископскую каѳедру, называетъ его «бывшимъ епископомъ и проповѣдникомъ въ Ругіи». Наконецъ и папа Іоаннъ XIII въ грамотѣ объ утвержденіи магдебургскаго архіепископства говоритъ, что Адальбертъ «сначала былъ назначенъ епископомъ провинціи Ругіи» [1]). Если позднѣйшія хроники, какъ Кведлинбургская, Ламберта, Гильдесгеймская, анналистъ Саксонъ, хроника Карвейская, повторяющія это извѣстіе, могли просто переписывать изъ продолжателя Регинона, то нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Титмара епископа Мерзебургскаго, писавшаго свою хронику въ началѣ XI вѣка и знавшаго исторію славянъ: онъ также говоритъ объ Адальбертѣ, что онъ былъ сначала поставленъ епископомъ Руссіи и оттуда былъ изгнанъ язычниками. Притомъ разсказъ продолжателя Регинона и всѣхъ его позднѣйшихъ пересказчиковъ отличается такою объективностію, такъ свободенъ отъ всякихъ тенденцій восхвалить императора или нѣмецкаго миссіонера, что внушаетъ къ себѣ полное довѣріе. Итакъ разсказъ не можетъ быть отвергнутъ; но можно ли принять его въ буквальномъ смыслѣ такъ какъ онъ передается въ западныхъ хроникахъ? Ученые, относившіе этотъ разсказъ къ кіевской Руси, принимаютъ, что императоръ Оттонъ присылалъ на Русь къ великой княгинѣ Ольгѣ епископа Адальберта, но отрицаютъ, что этотъ миссіонеръ былъ посланъ на Русь вслѣдствіе просьбы самой Ольги. На основаніи выраженій, что послы Ольги просили епископа «ficte, ut post claruit» и «per omnia mentiti sunt», ученые эти останавливаются на томъ мнѣніи, что послы были мнимые,

---

[1]) См. Pertz, Leges II, 560—561. Mandatum Ottonis de intronizatione archiepiscopi Magdeburgiensis. Riedel, Codex diplom. Brandenburgiensis t. VIII, № VII.

самозванные, были перехожіе варяги, сказавшіеся послами для какихъ либо своихъ выгодъ, чтобы получить подарки и т. п. [1]). Нельзя не отдать справедливости этому мнѣнію въ томъ отношеніи, что оно хочетъ признать и историческую правду западныхъ извѣстій и вмѣстѣ устранить кажущуюся несообразность обращенія Ольги къ нѣмецкому императору о присылкѣ пословъ. Не можемъ однакоже не замѣтить, что мысль о подложности пословъ есть одно только предположеніе и вовсе не дается смысломъ западныхъ извѣстій. Въ извѣстіяхъ хронистовъ нѣтъ ни слова о подложности пословъ, называемыхъ послами Елены или русскаго народа; выраженія: «ficte, ut post claruit» и «per omnia mentiti sunt» относятся не къ подложности пословъ, а указываютъ только на то, что они ficte, обманчиво просили епископа и проповѣдниковъ вѣры, что русскіе въ концѣ концовъ обманули ожиданія императора, возбужденные этимъ посольствомъ. Мысли о подложности пословъ не читали у продолжателя Регинона и тѣ западные хронисты, которые вполнѣ повторяли тоже самое извѣстіе. Итакъ остается или вполнѣ отвергнуть или вполнѣ признать все показаніе западныхъ лѣтописцевъ, т. е. признать и то, что посольство отъ Ольги къ нѣмецкому императору Оттону I дѣйствительно было. Исторія представляетъ весьма мало посредствующихъ данныхъ къ признанію такого посольства, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя указанія, допускающія возможность и вѣроятность этого факта, который и признавалъ уже Шлецеръ. Въ исторіи обращенія въ христіанство Болгаріи, отчасти Моравіи и даже въ исторіи крещенія Владиміра мы видимъ, что принятіе вѣры отъ извѣстнаго народа

---

[1]) Соловьевъ, т. I, стр. 350 и др.

въ представленіи язычниковъ соединялось—и большею частію справедливо—съ мыслію о нѣкотораго рода зависимости отъ него болѣе или менѣе тягостной, вслѣдствіе чего приходилось если не завоевывать вѣру, то выбирать просвѣтителей менѣе опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Не могло ли быть и на Руси явленія аналогичнаго съ поступкомъ Болгарскаго князя Бориса, послѣ Византіи обратившагося къ Риму и—прибавимъ для полной аналогіи—отъ папства снова и уже безповоротно привязавшагося къ восточному православію? Въ пользу этого предположенія могутъ служить нѣкоторыя указанія нашихъ и византійскихъ лѣтописей объ охлажденіи между великою княгинею Ольгою и византійскимъ дворомъ послѣ ея крещенія въ Константинополѣ. Такъ по свидѣтельству лѣтописи Нестора, когда чрезъ нѣсколько времени послѣ крещенія Ольги пришли къ ней послы отъ императора Константина Порфиророднаго съ просьбою даровъ и войска, то Ольга сказала: «скажите императору: если ты такъ же постоишь у меня на Почайнѣ, какъ я у тебя въ судѣ (въ константинопольской пристани), то тогда дамъ тебѣ» (дары и войско) [1]. Царственный воспріемникъ съ своей стороны какъ кажется также платилъ нерасположеніемъ своей духовной дочери и ея народу. Императоръ Константинъ Порфирородный въ своихъ сочиненіяхъ неблагосклонно отзывается о русскихъ, сравниваетъ ихъ съ хозарами и турками, говоритъ о ихъ «ненасытной жадности» и внушаетъ своему наслѣднику правила какъ нужно отговориться въ случаѣ, если русскіе будутъ просить чего нибудь изъ византійскихъ драгоцѣнностей [2]. Такое охлажде-

[1]) Несторъ подъ 855 г.

[2]) Знай, сынъ,—говоритъ онъ,—что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ существуетъ какъ будто отъ природы ненасытная жад-

ніе между Ольгою и императоромъ Константиномъ, не могло ли вызвать ее обратиться за епископомъ и священниками на западъ? Другія историческія черты нашей великой княгини—первой земской строительницы, ревностной христіанки, заботившейся о распространеніи христіанства, но не чуждой стремленія къ славѣ, чувствовавшей и наказывавшей оскорбленія,—не противорѣчатъ такому предположенію. Что касается разностей между восточною церковію и западною, то онѣ безъ сомнѣнія не могли останавливать св. Ольгу отъ религіозныхъ сношеній съ западомъ точно такъ же, какъ не останавливали и другихъ славянскихъ князей, какъ напр. Бориса болгарскаго. Св. Ольга конечно смотрѣла на западную имперію только какъ на имперію христіанскую и безъ сомнѣнія еще незнакома была съ тѣмъ духомъ и направленіемъ, какимъ отличалась западная церковь и ея миссіонеры. Ольга могла послать посольство именно къ императору Оттону, а не къ папѣ: посольство могло имѣть значеніе и для политическаго сближенія съ имперіею, обаяніе которой привлекало къ себѣ многихъ славянскихъ кня-

---

ность къ богатству, вслѣдствіе чего они все просятъ и за ничтожное дѣло требуютъ огромной награды. Поэтому если когда-нибудь или хозары или турки или русскіе или другіе какіе сѣверные и скиѳскіе народы, какъ часто случается, будутъ просить о присылкѣ себѣ императорскихъ одеждъ, коронъ или облаченій, то тебѣ нужно отговариваться такъ: „эти облаченія и короны сдѣланы не рукою человѣческою и не человѣческимъ умомъ изобрѣтены, но отъ Бога даны чрезъ ангела Константину Великому съ тѣмъ, чтобы хранились они въ святой церкви Божіей и употреблять ихъ разрѣшено только публично и въ великій праздникъ Іисуса Христа, такъ что изъ нихъ ничего и никому нельзя дарить“. Наконецъ съ этими народами не слѣдуетъ и вступать въ брачные союзы. De administr. Imperii c. 13. Stritter, Memoriae populorum 1, 624.

зей, а съ другой стороны вся миссіонерская дѣятельность запада сосредоточивалась тогда въ рукахъ императора, а не папы и въ X вѣкѣ епископы и миссіонеры посылались и назначались не папою, а императоромъ. Неизлишнимъ считаемъ присовокупить къ этому, что по нѣкоторымъ западнымъ хроникамъ русскіе послы упоминаются и на кведлинбургскомъ сеймѣ императора Оттона II въ 973 году, слѣдовательно еще гораздо раньше, чѣмъ Владиміръ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Чехіи [1]).

Высказывая это, мы однако же не думали стать выше предположеній, которыя въ нашей наукѣ вызываются и оправдываются современною критикою нашей древней лѣтописи. Трудность отвергнуть показанія западныхъ хронистовъ составляетъ главную силу этого предположенія. Для нашей цѣли несравненно важнѣе результатъ посольства, чѣмъ самое посольство. Было ли оно дѣйствительно послано Ольгою или было дѣломъ русскихъ выходцевъ, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что оно было принято императоромъ Оттономъ весьма благосклонно (benigne). Неожиданная просьба отъ повелительницы народа, внушавшаго страхъ Византіи, отъ княгини христіанки, уклонявшейся отъ Византійской имперіи и просившей епископа и пресвитеровъ отъ нѣмецкой имперіи, не могла не льстить честолюбію нѣмецкаго императора и могла подавать надежду на пріобрѣтеніе въ русскомъ народѣ сильнаго союзника, не лишняго для имперіи. Императоръ очень обрадовался (multum gavisus) [2]) этому случаю и съ охотою удовлетворилъ просьбѣ русскихъ. По порученію его, Бременскій архіепископъ Адальдагъ, пользо-

---

1) Lamberti annales. Pertz III, 65.

2) Ann. Saxo ad. an. 959.

вавшійся особенною довѣренностію его долженъ былъ изъ своего духовенства, знакомаго съ миссіонерскими обязанностями по своимъ отношеніямъ къ сѣверо-восточнымъ славянамъ и датчанамъ, — избрать особенно надежнаго миссіонера для Руси и посвятить его во епископа на Русь. Выборъ Адальдага палъ на Либуція, монаха изъ монастыря св. Альбана,—мужа честнаго поведенія, какъ замѣчаетъ анналистъ Саксонъ и твердаго въ католичествѣ [1]),—который и былъ посвященъ въ епископа Руси. Не слишкомъ охотно шли западные миссіонеры на проповѣдь Евангелія ради одного только апостольства. На западѣ давно уже, едва ли не со временъ британскихъ проповѣдниковъ и Бонифація оскудѣлъ духъ чисто-апостольскаго подвижничества; не было недостатка въ проповѣдникахъ, когда дѣло шло о проповѣди у народовъ покоренныхъ или союзныхъ съ имперіею, когда проповѣдникъ могъ путешествовать съ отрядомъ солдатъ и когда за подвигъ обѣщалось осязательное вознагражденіе въ новообращенной странѣ. Но отправиться въ страну далекую, неизвѣстную, не стоящую ни въ какихъ отношеніяхъ къ имперіи, отправиться безъ поддержки свѣтской власти, безъ всякаго житейскаго расчета, во имя только Евангелія,—на такое путешествіе были способны очень немногіе представители тогдашней западной церкви. Либуцій по какимъ-то обстоятельствамъ (quibusdam dilationibus suspensus) слишкомъ годъ медлитъ отправиться въ далекую дорогу, и наконецъ умираетъ. На мѣсто Либуція избирается Адальбертъ, монахъ Трирскаго монастыря св. Максимина. Что медлительность Либуція въ отправленіи къ своему миссіонерскому посту происходила

---

[1]) Тамъ же.

просто отъ нежеланія,—это видно изъ обстоятельствъ выбора преемника ему. Въ миссію назначили Адальберта по интригамъ, и современники и знакомые новаго миссіонера смотрѣли на это назначеніе какъ на наказаніе. Продолжатель Регинона, монахъ того же монастыря и другъ Адальберта, говоритъ: «Адальбертъ сдѣланъ преемникомъ Либуція для отправленія на чужбину по интригамъ и навѣту (machinatione et consilio) архіепископа Вильгельма (Трирскаго), хотя Адальбертъ былъ наилучшимъ образомъ преданъ ему и никогда ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ». Какъ видно, новое и повидимому высокое назначеніе Адальберта вызывало не радость, а сожалѣніе. Тѣмъ не менѣе однако же, прошло уже полтора года послѣ того какъ приходили послы отъ Ольги,—и новый епископъ былъ скоро отправленъ на Русь. Императоръ Оттонъ, замѣчаетъ хронистъ, отправилъ его съ почетомъ и снабдилъ его съ обычною щедростью всѣмъ необходимымъ. Съ епископомъ отправлено было вѣроятно не малое число и низшихъ клириковъ, помощниковъ въ дѣлѣ проповѣди. Что́ же встрѣтилъ на Руси западный епископъ-миссіонеръ съ своими спутниками? Хроника говоритъ кратко: «Адальбертъ, посвященный епископъ Ругійскій, не могши исполнить ничего изъ того, для чего былъ посланъ и видя, что онъ потрудился напрасно, возвращается, и тогда какъ нѣкоторые изъ его (спутниковъ) на обратномъ пути были убиты, самъ онъ едва спасся». Что было причиною такой полной неудачи? Адальбертъ былъ безъ сомнѣнія ревностнымъ миссіонеромъ въ смыслѣ католическомъ. По возвращеніи изъ Руси онъ былъ поставленъ во главѣ славянской миссіи,—былъ назначенъ архіепископомъ магдебургскимъ, съ подчиненіемъ его вѣдѣнію всѣхъ обращенныхъ и имѣющихъ быть обращенными странъ

за Лабою и Салою. Самъ папа Іоаннъ XIII свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ потерпѣлъ неудачу на Руси не по своему нераченію (non sua ignavia, sed illorum—ruscorum—nequitia)[1]. Но именно то, что онъ былъ ревностнымъ католическимъ миссіонеромъ, самый характеръ и духъ проповѣди и были главною причиною его неуспѣха. Если опасенія политической зависимости отъ Константинополя и побудили Ольгу просить епископа и проповѣдниковъ у запада, то ея надежды отдѣлить дѣло вѣры отъ интересовъ политики при религіозныхъ связяхъ съ имперіею оказались еще болѣе невѣрными. Нѣмецкая проповѣдь естественно съ именемъ вѣры, Христа, приносила и Руси, какъ и западнымъ славянамъ, имя папы и императора, давала чувствовать неизбѣжность извѣстной церковно-политической зависимости Руси отъ священной римской имперіи. Проповѣдь западнаго миссіонера грозила Руси двойнымъ игомъ—и церковнымъ отъ папы и политическимъ отъ нѣмецкаго императора. Могла ли такая проповѣдь нравиться народу, не знавшему никакого подчиненія, гордившемуся своими геройскими подвигами и наводившему страхъ на самую Византію? Могла ли принять такую проповѣдь святая представительница этого народа, искавшая въ христіанствѣ, по выраженію Нестора только «добрыя мудрости Божіей», несовмѣстной ни съ какими земными расчетами? И въ краткомъ извѣстіи западнаго лѣтописца о посольствѣ Адальберта проглядываютъ черты, изъ которыхъ можно заключить, что помимо религіозныхъ были и политическія цѣли миссіи. Къ этой мысли приводитъ уже общность и неопредѣленность выраженія: «не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ»,—выраженія,

---

[1]) Riedel. codex diplom. Brandenburgiensis. t. VIII, № VII.

указывающаго какъ будто на нѣсколько задачъ возложенныхъ на миссіонера. Но еще больше подтверждаютъ это предположеніе дальнѣйшія отношенія императора къ неудавшемуся миссіонеру. Оттонъ оказывается весьма благосклоннымъ къ Адальберту, какъ будто въ благодарность за безуспѣшное но добросовѣстное исполненіе порученной ему миссіи; Адальбертъ принимается императоромъ съ любовію (caritative), принимается въ императорскую капеллу,—милость которой удостоивались лишь избранныя лица духовенства,—и впослѣдствіи, какъ мы сказали, назначается на одну изъ важнѣйшихъ каѳедръ Германіи. Еще одно замѣчаніе. Разсказъ продолжателя Регинона вовсе не даетъ мысли о безчестномъ изгнаніи западныхъ миссіонеровъ изъ Руси и о ихъ преслѣдованіи здѣсь какъ проповѣдниковъ. Миссія потерпѣла неудачу, миссіонеры должны были возвратиться вспять, но ихъ не преслѣдовали на Руси. Уже на обратномъ пути (in redeundo) ихъ постигло несчастіе, вслѣдствіе котораго нѣкоторые изъ спутниковъ Адальберта были убиты и самъ онъ едва спасся. Обстоятельство это могло и не зависѣть отъ миссіонерской проповѣди; миссіонеры просто могли подвергнуться нападенію разбойниковъ и притомъ внѣ владѣній великой княгини Ольги.

(Продолженіе будетъ).

А. Вороновъ.

ДИСПУТЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Въ воскресенье, 3-го сего апрѣля, въ кіевской духовной академіи происходилъ *четвертый* магистерскій диспутъ. Приватъ-доцентъ по каѳедрѣ сравнительнаго Богословія

Митрофанъ Филиппович Ястребовъ защищалъ представленное имъ для полученія ученой степени магистра Богословія сочиненіе подъ заглавіемъ—«Ученіе аусбургскаго исповѣданія и его апологіи о первородномъ грѣхѣ».

Изъ Curriculum vitae, сообщеннаго секретаремъ правленія предъ началомъ диспута, видно, что магистрантъ урожденецъ тамбовской епархіи; первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, а окончательное въ кіевской академіи, гдѣ, по прошествіи полнаго академическаго курса, успѣшно выдержалъ въ 1871 году магистерскій экзаменъ и затѣмъ опредѣленъ былъ въ *воронежскую* духовн. семинарію преподавателемъ греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. Спустя годъ, какъ одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ академіи, приглашенъ былъ академическимъ совѣтомъ на каѳедру сравнительнаго Богословія, которая, послѣ вполнѣ удовлетворительной защиты pro venia legendi, имъ и была занята.—Изъ ученыхъ трудовъ г. Ястребова кромѣ указанной магистерской диссертаціи, намъ извѣстны: 1) *Педагогическая дѣятельность іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ* (напеч. въ Трудахъ кіев. дух. Акад. за 1869 г.), 2) *Современное язычество* (сочиненіе это, удостоенное совѣтомъ Академіи іосифовской преміи, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не напечатано. Авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на *четыре* части, изъ коихъ *въ первой* разсматриваетъ язычество финновъ, подраздѣляемое имъ на культъ чувашъ, черемиссовъ и вотяковъ, и культъ вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, *во второй*—сибирское шаманство, *въ третьей части*—бурятокалмыцкой будуизмъ, и наконецъ *въ четвертой*—язычество кавказкое. При обозрѣніи всѣхъ этихъ видовъ русскаго язычества, авторъ обращаетъ вниманіе на три существен-

нѣйшія въ нихъ стороны: на теоретическую или догматическую, нравственную и обрядовую, и занимаясь въ частности тою или другою стороною, большею частію касается интересныхъ подробностей относительно ѳеогоніи, космогоніи и демоналогіи язычниковъ, а также ихъ морали, богослуженій общественныхъ и частныхъ, и жертвоприношеній, не упуская при этомъ изъ виду и нѣкоторыхъ обычаевъ языческихъ племенъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ религіознаго сознанія... Цѣль автора—дать ясное, отчетливое, основательное и по возможности полное и цѣлостное представленіе о современномъ язычествѣ,—по отзыву рецензента, помѣщенному въ Труд. кіев. дух. Акад.—достигнута, насколько позволяли ему это сдѣлать доступныя ему пособія... Вообще сочиненіе обработано тщательно и представляетъ собою трудъ серьезный и полезный). и 3) *Нѣсколько мелкихъ статей*, помѣщенныхъ преимущественно въ *Воскресномъ Чтеніи* прежней редакціи.

Передъ защитою магистрантъ произнесъ рѣчь, гдѣ преимущественно остановился на раскрытіи тѣхъ побужденій, которыми онъ руководился при выборѣ предмета своего сочиненія. Сказанная рѣчь весьма хорошо знакомитъ съ характеромъ защищаемой диссертаціи и опредѣляетъ ея мѣсто въ нашей богословской литературѣ.

«При изученіи лютеранства»—говорилъ магистрантъ—(разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ лютеранство не какъ историческое явленіе, а какъ церковно-историческую, вѣроисповѣдную доктрину)—дѣло первостепенной важности—опредѣлить центральный, средоточный пунктъ его богословской системы,—пунктъ, изъ котораго бы всѣ частности этой системы развивались и объяснялись какъ моменты одного

общаго начала. Первый опытъ такого опредѣленія, такого философскаго отношенія къ богословской системѣ лютеранства, представляетъ символика Мёлера. «Въ началѣ церковной реформаціи XVI в., говоритъ Мёлеръ, мысль реформаторовъ остановилась не на вопросѣ о начальной порѣ человѣческаго рода, не на вопросѣ также о его концѣ и вступленіи въ блаженную вѣчность, а взяла для себя исходную точку въ самомъ центрѣ человѣческой исторіи, въ ея внутреннѣйшей и глубочайшей срединѣ, затронула вопросъ самый жизненный и самый близкій сердцу человѣка,—вопросъ о томъ, какимъ образомъ падшій человѣкъ вступаетъ въ общеніе со Христомъ и становится участникомъ плодовъ спасенія. А отсюда уже, изъ этого центра, необходимо возникли и пошли разности впередъ и назадъ, къ обѣимъ окраинамъ человѣческой исторіи, которыя хотѣлось приладить къ сдѣланнымъ въ центрѣ измѣненіямъ». Этотъ «затронутый реформаторами» вопросъ получилъ, какъ извѣстно, свое разрѣшеніе въ *догматѣ объ оправданіи одною вѣрою:* догматъ объ оправданіи Мёлеръ и ставитъ срединнымъ, центральнымъ, догматомъ лютеранской догматики. Мёлеру, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ большинство современныхъ богослововъ, особенно католическихъ. Дёллингеръ называетъ догматъ объ оправданіи базисомъ, сердцемъ, движущимся центромъ (centre pivoté) всей лютеранской доктрины. Въ нашей русской богословской литературѣ Мёлеровскій взглядъ на центральное положеніе въ лютеранской догматикѣ догмата объ оправданіи высказанъ въ сочиненіи Хрисанѳа, нынѣшняго астраханскаго преосвященнаго: «Характеръ протестантства и его историческое развитіе».

Оспаривать въ общемъ этотъ взглядъ нѣтъ основаній. Лютеръ, въ своихъ сочиненіяхъ, весьма часто высказывается

такъ, что догматъ объ оправданіи человѣка одною вѣрою проникаетъ все его бытіе до самой внутренней его глубины,—что онъ основаніе всей его системы, господствующая идея всѣхъ его религіозныхъ вѣрованій,—что онъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ и въ которомъ находятъ свое объясненіе и свой авторитетъ всѣ остальныя его представленія о религіи и церкви,—что единственно въ немъ почерпаетъ онъ свое мужество и свою силу для дальнѣйшаго веденія своего дѣла,—что, наконецъ, его церковь умретъ или будетъ жить вмѣстѣ съ этимъ догматомъ, и т. под. Но, спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ мысль Лютера остановилась непосредственно на догматѣ объ оправданіи одною вѣрою и къ нему, такъ сказать, прилаживала, поддѣлывала остальныя части богословской системы, какъ представляется это у Мёлера? И если такъ, то почему остановилась она именно на этомъ догматѣ? Въ названномъ сочиненіи Хрисанѳа развивается, между прочимъ, такая мысль, что догматъ объ оправданіи одною вѣрою образовался у Лютера per contrarium, какъ противоположность тому широкому значенію добрыхъ дѣлъ, которое приписывалось имъ въ церковной практикѣ католичества: но почему же именно какъ противоположность?—По нашему представленію, догматъ объ оправданіи одною вѣрою явился у Лютера продуктомъ извѣстныхъ началъ, выводомъ изъ извѣстныхъ посылокъ и предполагаетъ извѣстныя основанія. Намъ думается, что къ основной мысли этого догмата онъ приведенъ былъ тѣми представленіями о падшемъ состояніи человѣка, образованіе которыхъ относится ко времени весьма ранняго періода его жизни и начальные мотивы которыхъ замѣчаются въ самыхъ первыхъ его проповѣдяхъ. Намъ думается, что догматъ этотъ свое объясненіе получаетъ

въ *ученіи о первородномъ грѣхѣ* и что, взятый отдѣльно, онъ является лишеннымъ живаго смысла афоризмомъ. Намъ думается даже, что ученіе о первородномъ грѣхѣ, въ лютеранской догматикѣ, не только представляетъ собою основаніе для догмата объ оправданіи, но отсылаетъ логически почти ко всѣмъ—по крайней мѣрѣ главнымъ—пунктамъ лютеранской догматической системы.

Отраженіе ученія о первородномъ грѣхѣ—закончилъ свои сужденія магистрантъ — чувствуется на всей лютеранской богословской системѣ, въ немъ положены стихіи, дающія лютеранской догматикѣ своеобразный, оригинальный характеръ. Между тѣмъ, это столь важное для общаго уразумѣнія лютеранства ученіе въ католическихъ и даже протестантскихъ символикахъ, т. е. въ такихъ системахъ, нарочитымъ и спеціальнымъ предметомъ которыхъ служитъ изложеніе вѣроисповѣдныхъ ученій, не только не получаетъ своего надлежащаго раскрытія, но излагается въ большинствѣ случаевъ небрежно, а подъ часъ и положительно невѣрно. Намъ хотѣлось возстановить истинный смыслъ этого ученія, въ сознаніи его важности для уразумѣнія лютеранства, изученіе котораго со стороны его доктрины составляетъ, между прочимъ, предметъ спеціальной богословской науки такъ называемаго сравнительнаго Богословія, преподавателемъ котораго состою я при здѣшней академіи».

Оффиціальныхъ оппонентовъ было два: экстра-ординарный профессоръ С. М. *Сольскій* и доцентъ М. А. *Олесницкій*.

Первый въ своихъ выраженіяхъ обратилъ преимущественно вниманіе на два пункта:

во первыхъ, на отсутствіе (во введеніи) побужденій, которыми руководился магистрантъ при выборѣ темы для

своего труда, вслѣдствіе чего для незнакомыхъ со значеніемъ ученія о первородномъ грѣхѣ въ системѣ христіанской догматики можетъ показаться страннымъ избраніе для изслѣдованія такого предмета, который только въ средніе вѣка и во время реформаціи служилъ основою для оживленныхъ преній и тогда могъ привлекать къ себѣ вниманіе; *во вторыхъ*, на ограниченіе своего изслѣдованія почти исключительно тою эпохою, съ которою ученіе о первородномъ грѣхѣ было предметомъ оживленныхъ преній. Если бы, по замѣчанію оппонента, магистрантъ раздвинулъ рамки своего изслѣдованія и изложилъ послѣдовательно развитіе ученія о первородномъ грѣхѣ, начиная съ первыхъ временъ христіанства и оканчивая послѣдними раціоналистическими воззрѣніями съ показаніемъ его отношенія къ нашему православному богословію, тогда авторъ придалъ бы своему сочиненію болѣе интереса. Тогда онъ не ограничился бы однимъ общимъ изложеніемъ воззрѣній на ученіе о первородномъ грѣхѣ древней церкви, но, начавъ съ изученія писанія и останавливаясь на толковникахъ, открылъ бы многихъ учителей въ древней церкви, съ вниманіемъ относившихся къ этому основному догмату христіанскаго вѣроученія; тогда и раскрытіе средневѣковыхъ доктринъ получило бы болѣе систематической правильности и послѣдовательности; тогда и самое изложеніе освободилось бы отъ той, по мѣстамъ, сухости и тяжеловатости, которымъ авторъ не могъ не поддаться подъ исключительнымъ вліяніемъ схоластическихъ и символическихъ доктринъ.

Магистрантъ отвѣчалъ, что въ своей рѣчи онъ съ достаточною полнотою развилъ побужденія, которыми руководился при выборѣ темы своего изслѣдованія; въ самой же книгѣ считалъ подобныя объясненія излишними, такъ какъ

трудъ его имѣетъ значеніе для спеціалистовъ, которымъ хорошо должно быть извѣстно значеніе въ богословской наукѣ предмета, избраннаго имъ для разработки. Что же касается втораго замѣчанія относительно ограниченія изслѣдованія извѣстною эпохою, то задачею магистранта, по его объясненію, было—представить собственно ученіе *лютеранъ* о первородномъ грѣхѣ, для чего не было нужды слѣдить за развитіемъ этого ученія у *всѣхъ* отцевъ и учителей церкви, а достаточно было отмѣтить главныя въ немъ направленія, что̀ имъ—магистрантомъ въ своемъ сочиненіи и сдѣлано; магистрантъ позволяетъ себѣ думать, что постановка дѣла, рекомендуемая оппонентомъ, крайне не выгодно отозвалась бы на изслѣдованіи, при внесеніи въ него много совершенно не нужнаго матеріала.

Вторымъ оппонентомъ—*М. А. Олесницкимъ* сдѣлано было около 8 возраженій. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Приступая къ изслѣдованію магистрантъ старается проложить себѣ дорогу, обозрѣваетъ труды другихъ ученыхъ по избранному предтету и при этомъ приходитъ къ заключенію, что всѣ эти труды не удовлетворительны. Такъ изслѣдованіе *Марайнеке* страдаетъ невѣрностію, изслѣдованіе *Кёльнера*—противорѣчіемъ, ученіе *Бодемана* невыдержанностію и *Титтмана* неопредѣленностію. Оппонентъ заявилъ, что онъ познакомился съ трудами поименованныхъ ученыхъ и находитъ отзывъ о нихъ магистранта несправедливымъ. Такъ магистрантъ упрекаетъ Марайнеке въ невѣрности, выставляя на видъ, что онъ а) извратилъ ученіе схоластиковъ объ отношеніи между *образомъ Божіимъ* и *первобытною праведностію*, и в) что онъ невѣрно представилъ ученіе протестантовъ о паденіи. По мнѣнію оппонента означенные упреки, дѣлаемые Марайнеке, коренятся въ собственномъ

недоразумѣніи магистранта, именно онъ не присмотрѣлся внимательно, что *Марайнеке* разумѣетъ подъ словомъ *образъ*. Образъ у Марайнеке обозначается не словомъ *Bild* а *Ebenbild*, что значитъ не *образъ* а *подобіе*. Поэтому, когда Марайнеке говоритъ, что, по ученію схоластиковъ, вслѣдствіе паденія человѣкъ потерялъ образъ Божій, то это не значитъ, что онъ потерялъ *первоначальныя силы*, дарованныя ему при твореніи, а *силы*, которыми онъ былъ надѣленъ впослѣдствіи, въ прибавокъ къ первоначальнымъ. Такое, а не иное значеніе образа по *Марайнеке* можно усматривать и изъ другихъ мѣстъ его сочиненій. Въ такомъ же смыслѣ Марайнеке употребляетъ слово образъ, говоря о паденіи человѣка по ученію протестантовъ.—Подобными же недоразумѣніями со стороны магистранта оппонентъ старался объяснить его неодобрительные отзывы о трудахъ и другихъ поименованныхъ ученыхъ.

2) Обозоръ изложеній ученія лютеранскихъ символовъ о первородномъ грѣхѣ, представляемыхъ католическими и протестантскими символиками, приводитъ магистранта къ тому заключенію, что въ этихъ символикахъ символическое ученіе лютеранъ о первородномъ грѣхѣ не получаетъ своего надлежащаго раскрытія. Поэтому онъ въ своемъ сочиненіи старается возстановить лютеранское ученіе о первородномъ грѣхѣ путемъ непосредственнаго изученія символовъ. Но— по мнѣнію оппонента—магистрантъ придалъ лютеранскимъ символамъ иное значеніе, чѣмъ какое придаютъ имъ сами протестанты; такимъ образомъ, если бы кто вздумалъ составить вѣрное понятіе объ ученіи лютеранъ о первородномъ грѣхѣ, то онъ не найдетъ его въ защищаемой магистрантомъ книги, хотя она и спеціально посвящена рѣшенію этого вопроса.

3) Опредѣляя символику, какъ науку, магистрантъ говоритъ, что она *«не беретъ на себя задачи—ни защищать, ни отвергать доктрину церковныхъ обществъ*, а имѣетъ своею цѣлію—только изложить эту доктрину, ознакомить съ нею во всѣхъ ея видахъ, подъ всѣми отношеніями». Но—по замѣчанію оппонента—съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Извѣстно, что названіе *Символики* первый усвоилъ этой наукѣ Марайнеке, до него же ее называли *Полемикой*, соотвѣтственно полемическому духу, въ ней господствующему. Хотя впослѣдствіи названіе полемики, какъ сказано, замѣнили другимъ, но этимъ отнюдь не устранили изъ означенной науки полемическій характеръ.

На всѣ дѣлаемыя магистранту возраженія онъ отвѣчалъ замѣчательно спокойно и съ большимъ знаніемъ дѣла, что признано было обоими оппонентами, заявившими при концѣ диспута, что сочиненіе магистранта представляетъ *прекрасный критически-обработанный матеріалъ* касательно разсматриваемаго въ сочиненіи предмета.

Диспутъ, длившійся около $2^1/_2$ часовъ, кончился заявленіемъ помощника ректора о *признаніи защиты вполнѣ удовлетворительною*.. Публика привѣтствовала новаго магистра громкими, продолжительными и—замѣтимъ отъ себя—вполнѣ заслуженными рукоплесканіями.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ 2 часа ночи, противъ 7-го ноября, прошлаго 1876-го года, скончался, маститый старецъ, заштатный протоіерей, бывшій при каневскомъ соборѣ на священническомъ мѣстѣ, Максимъ Григоріевъ Левитскій, 73-хъ лѣтъ отъ роду и на 48-мъ году своего пастырскаго служенія.

Покойный протоіерей Максимъ Левитскій, сынъ священническій, родомъ изъ села Деренковца, черкасскаго уѣзда,—родился въ 1803-мъ году. Не въ роскоши и забавахъ провелъ жизнь свою покойный о. Максимъ въ домѣ многосемейныхъ своихъ родителей, до поступленія своего въ черкасское училище, а какъ самъ передавалъ, съ 5-ти лѣтъ пасъ скотъ отца и только изрѣдка занимался подготовленіемъ себя къ училищу и, особенно въ то время когда старшій братъ пріѣзжалъ на праздники, тогда только и была подготовка въ училище, въ которое о. Максимъ и былъ опредѣленъ въ 1815-мъ году. Въ училищѣ для о. Левитскаго началась другая жизнь. Имѣя отъ природы быстрый умъ, доброе сердце и спокойный характеръ, Максимъ Левитскій за свои душевныя качества былъ любимъ всѣми, какъ своими сотоварищами, такъ въ особенности своими наставниками и какъ онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ во всѣхъ классахъ, то часто наставники за своимъ отсутствіемъ, поручали ему занятія свои въ низшихъ классахъ. Въ 1821-мъ году, Левитскій поступилъ въ Кіевскую Семинарію, гдѣ также занимался очень усердно, былъ любимъ товарищами и наставниками и кончилъ курсъ въ 1827-мъ году со степенью студента. Часто покойный о. Максимъ изъ школьной своей жизни воспоминалъ то, какою онъ пользовался любовію наставниковъ въ училищѣ

и въ семинаріи, и въ свою школьную жизнь не только строгихъ наказаній не испытывалъ, но и выговоровъ ни отъ кого не получалъ.—За то часто приходилось ему, въ домовомъ отпускѣ, переносить разныя непріятности, при хозяйственныхъ занятіяхъ.—По окончаніи курса, Левитскій прибылъ въ домъ отца, который желалъ, чтобы сынъ тотчасъ занялъ вблизи открывшееся священническое мѣсто въ селѣ Мліевѣ, (такъ какъ старшій сынъ его уже былъ по сосѣдству съ Деренковцемъ, въ селѣ Нетребкѣ священникомъ, то старику отцу покойника о. Максима чрезвычайно хотѣлось, чтобы и другой сынъ былъ вблизи его); но по тогдашнему обычаю, для занятія прихода, необходимо было заручиться согласіемъ помѣщика, или его управляющаго. Посовѣтовавшись съ своимъ родителемъ сынъ отправляется къ управляющему старику, закоренѣлому католику, любившему низкопоклонничество, о чемъ и былъ предупрежденъ своимъ отцемъ; но молодой человѣкъ, по своимъ привычкамъ не могъ унижаться, а потому и явился къ нему съ вѣжливымъ поклономъ, за что управляющій съ грубостію сказалъ ему: «а що скажешь небоже?» Левитскій отвѣтилъ: а то скажу, дядьку,—я пришелъ извѣстить васъ, что я буду въ Мліевѣ священникомъ. За слово «дядьку» еще пуще разозлился на о. Максима управляющій и утвердительно сказалъ: ни за что не будешь. Между тѣмъ, черкасское начальство, просило епархіальную власть опредѣлить Левитскаго на учительскую должность и, въ концѣ вакацій онъ чрезъ мѣстнаго благочиннаго получаетъ указъ Кіевской Д. Консисторіи объ опредѣленіи его учителемъ въ черкасское училище. Поступивъ въ черкасское училище учителемъ, Левитскій не имѣлъ желанія долго оставаться въ немъ, а слѣдовалъ призыву сердца и скорѣе желалъ посвятить себя

на служеніе Богу; но какъ съ управляющимъ села Мліева на первыхъ порахъ вышли непріятности за неоказаніе должнаго поклоненія, то Левитскій уже болѣе и не стремился на занятіе священническаго мѣста въ селѣ Мліевѣ. Между тѣмъ въ Черкассахъ проживала у родственника сиротка Іуліанія Стефановна Андріевская; какъ она была старшая между сестрами, то за нею по смерти отца былъ предоставленъ приходъ въ заштатномъ городѣ Каневѣ. Пробывъ два года учителемъ въ черкасскомъ училищѣ, и познакомившись съ Андріевскою, Левитскій женился на сиротѣ и въ 1829-мъ году рукоположенъ въ священника къ Каневской Васильевской сгорѣвшей церкви, (какъ значится въ выданной о. Максиму грамотѣ). Для молодаго іерея, вмѣстѣ съ трудностію пастырскаго служенія, открывалось новое поприще дѣятельности, сопряженное съ тяжелыми трудностями—занятія тотчасъ постройкою храма Божія, на что не было никакихъ средствъ, да и прихожане погорѣвшей церкви были бѣдные мѣщане. Имѣя отъ природы пылкій характеръ, о. Максимъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Не находя средствъ для постройки новой церкви, о. Максимъ обратилъ свое вниманіе на красующійся среди города, на высокомъ плацу каменный храмъ,—базиліанскій монастырь. Отъ старожиловъ онъ узналъ, что храмъ этотъ былъ прежде православный, а послѣ перешелъ въ вѣдѣніе уніатовъ. Имѣя такія голословныя данныя, о. Максимъ желая точнѣе убѣдиться въ дѣйствительности словъ, тотчасъ отправляется въ Переяславскую Консисторію, къ которой прежде принадлежалъ городъ Каневъ и тамъ нашелъ документы, изъ которыхъ узналъ: что каменная церковь въ городѣ Каневѣ построена еще въ 1145-мъ году, Всеволодомъ Ольговичемъ, княземъ Кіевскимъ. Въ 1630-мъ году, камен-

ная церковь Каневская татарами была сожжена, вмѣстѣ съ людьми въ ней запершимися; отъ пожара она была частію разрушена и въ такомъ состояніи она была 180 лѣтъ, съ 1705 года по 1810-й годъ, когда стараніемъ помѣщика Іоасафа Казарина и другихъ помѣщиковъ, каменная разрушенная церковь Каневская, была возобновлена и по освященіи перешла во владѣніе базиліанъ». Собравъ свѣдѣнія точныя о Каневскомъ базиліанскомъ монастырѣ, покойный о. Максимъ отправился къ высокопреосвященному Евгенію и объявилъ ему свое пламенное желаніе, вести дѣло объ отнятіи у Базиліанъ православнаго каменнаго храма. Покойному о. Максиму на его желаніе, высокопреосвященный Евгеній отвѣтилъ: «если чувствуешь себя на столько сильнымъ, чтобы преодолѣть всѣ непріятности и великія трудности при веденіи столь важнаго дѣла, то приступай къ дѣлу, да поможетъ тебѣ Господь Богъ, а если споткнешся и не преодолѣешь трудностей, тебя ожидавшихъ при веденіи дѣла, то лучше не теряй времени а приступай къ постройкѣ новаго храма; тѣмъ болѣе, что окружающіе помѣщики, приверженцы того монастыря, весьма важные и вліятельные лица и тебѣ очень трудно съ ними бороться». О. Максимъ чувствовалъ себя настолько сильнымъ и непоколебимымъ въ разъ принятомъ намѣреніи, что прямо отвѣтилъ владыкѣ: «я готовъ и умереть за это святое дѣло, и буду хлопотать до тѣхъ поръ, пока Господь мнѣ поможетъ, этотъ каменный громадный храмъ отнять у базиліанъ и обратить его въ православный».

Дѣйствительно, какъ самъ передавалъ покойный, много трудностей и непріятностей приходилось переносить ему при веденіи дѣла, за Каневскій каменный храмъ, пока въ 1833 году, по Высочайшему повелѣнію, не былъ сказанный

храмъ отъ базиліанъ отнятъ и переданъ со всѣмъ имуществомъ и землями православному духовенству, для чего и препровожденъ былъ указъ святѣйшаго правительствующаго Синода отъ 26-го ноября 1833 года за № 9137 къ митрополиту Евгенію. Копія указа хранилась у покойнаго о. Максима, въ которомъ красовалось имя покойнаго вмѣстѣ съ благодарностію ему. Повѣрка имущества въ базиліанскомъ монастырѣ по описи, а равно—и земель, переписка по этому дѣлу, все это продолжалось до 1836 года, въ которомъ году, прежде бывшій базиліанскій монастырь, былъ освященъ и открыто въ ономъ православное богослуженіе священно и церковно-служителями Василіевской, сгорѣвшей церкви, на мѣсто которой, благодаря усиленнымъ заботамъ и самопожертвованію покойника о. Максима, явился въ заштатномъ городѣ Каневѣ, каменный древній православный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. Во все время этой борьбы ему много пришлось перенести много бѣдствій, напр. его два раза на пути арестовали, разъ враги его уніаты хотѣли ночью умертвить. Разъ переяславская дух. консисторія, которая такъ же противъ него была озлоблена, арестовала его за то, что онъ явился въ другую епархію безъ письменнаго вида своей консисторіи, и былъ подъ арестомъ двѣ недѣли, пока кіевская духовная консисторія не выслала ему свидѣтельства. Покойный о. Максимъ былъ очень дѣятельный и въ должности благочиннаго, на которую онъ поставленъ былъ епархіальною властію, чрезъ два года послѣ рукоположенія и проходилъ возложенную на него должность честно и безукоризненно болѣе 30-ти лѣтъ, съ 1831 года по 1862 годъ. Однимъ словомъ во время прохожденія благочиннической должности, покойникъ пользовался любовію и уваженіемъ не только у подвѣдомаго ему духовенства, но

у всего окружающаго, и не только окружающаго духовенства, но и всѣхъ окружающихъ жителей—православныхъ, иновѣрцевъ, и всякаго сословія людей. До 1845 года въ каменномъ Успенскомъ Каневскомъ храмѣ былъ настоятемъ самъ о. Максимъ, но въ сказанномъ году, Каневъ дѣлается, вмѣсто Богуслава, уѣзднымъ городомъ; изъ приходской Успенской церкви образуется уѣздный соборъ, куда переводится уѣздный протоіерей о. Игнатій Мацкевичъ, который и занимаетъ мѣсто настоятеля, а покойникъ о. Максимъ остается при соборѣ въ качествѣ помощника настоятелю; но это его нисколько не огорчаетъ; и онъ во всемъ подчиняется распоряженію начальства безпрекословно. Бывшій, въ другой церкви каневской,—священникъ Андріевскій, родичъ покойника, перешелъ въ уѣздные протоіереи; покойнику такъ же можно было бы просить мѣста уѣзднаго протоіерея, но его завѣтная мысль была до смерти оставаться служителемъ при томъ храмѣ, который усиленными его заботами и стараніемъ отнятъ у католиковъ и переименованъ въ православный; при этомъ храмѣ онъ желалъ и быть погребеннымъ. Покойникъ былъ такъ же долгое время въ духовномъ правленіи присутствующимъ и казначеемъ, гдѣ такъ же проходилъ свою службу честно и безукоризненно, за что отъ епархіальнаго начальства, кромѣ наградъ, получалъ частыя благодарности. Впродолженіе 47 лѣтъ своей пастырской службы покойный о. Максимъ удостоился слѣдующихъ наградъ: въ 1837 году награжденъ набедренникомъ; 1840 года,—скуфіею; 1847 года,—камилавкою; 1855 года награжденъ наперснымъ золотымъ крестомъ; 1862 уволенъ отъ благочинническои должности съ благодарностію отъ начальства и въ томъ же году, произведенъ въ протоіереи; 1867 года награжденъ орденомъ

св. Анны 3-й степени. Въ 1875 году, протоіерей о. Максимъ, внявъ просьбѣ своихъ родныхъ—сиротъ, и чувствуя въ себѣ упадокъ силъ, уволился въ заштатъ, предоставивъ свое мѣсто при соборѣ Яворскому, женатому на его родной племянницѣ; но будучи уже и нездоровъ, нерѣдко высказывалъ, что лучше было бы, если бы онъ состоялъ на службѣ до самой смерти.

Послѣ смерти открылась вся нестяжательность покойника; найдено всего только 3 р. сер. Покойникъ просящему никогда ни въ чемъ не отказывалъ, а потому ничего не оставилъ на свое погребеніе, которое принялъ на себя священникъ Яворскій. 8-го ноября, въ день Архистратига Михаила въ два часа по полудни, собравшееся духовенство выносило тѣло покойника изъ его дома въ соборъ. Тѣло покойника провожали всѣ безъ исключенія жители города Канева, даже и иновѣрцы. 9-го ноября въ концѣ заупокойной литургіи, священникомъ каневской Преображенской церкви, о Ѳеодосіемъ Чайковскимъ сказано было слово, послѣ котораго приступлено къ отпѣванію погребенія. Обширный каневскій соборъ съ трудомъ вмѣщалъ всѣхъ собравшихся въономъ духовныхъ чадъ покойника, желавшихъ отдать, любимому пастырю и духовному отцу послѣдній долгъ. Предъ пѣніемъ стиховъ 17-й каѳизмы, настоятелемъ собора протоіереемъ о. Игнатіемъ Мацкевичемъ сказана трогательная надгробная рѣчь, во время которой, многіе собравшіеся въ храмѣ плакали,—во все время отпѣванія и погребенія, почти всѣ присутствовавшіе при погребеніи были въ слезахъ. Послѣ евангелія, была также сказана надгробная рѣчь, священникомъ села Хмѣльной Іоанномъ Мельниковскимъ, въ которой изображена была жизнь и дѣятельность покойника о. протоіерея на поприщѣ многотруднаго пастырскаго служенія. По окон-

чаніи трогательнаго священническаго погребенія, всѣ присутствующіе со слезами окружили гробъ покойника и каждый желалъ, въ послѣдній разъ проститься съ своимъ добрымъ и любимымъ пастыремъ. По окончаніи послѣдняго цѣлованія, тѣло покойника несено было священниками къ могилѣ, тутъ же на паперти церковной, на восточной сторонѣ, приготовленной съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Филоѳея.—Такимъ образомъ осуществилась завѣтная мысль и пламенное желаніе покойнаго о. протоіерея быть погребену вблизи того храма, который его усиленными заботами и стараніемъ перешелъ отъ базиліанъ въ вѣдѣніе православныхъ. Жители города Канева долго будутъ помнить и молиться за своего любимаго пастыря, протоіерея о. Максима.

Священникъ *Іоаннъ Мельниковскій*.

ИЗВѢСТІЯ.

По полученной г. начальникомъ края телеграммѣ, **Его Императорское Величество Государь Императоръ** осчастливитъ Кіевъ Своимъ пріѣздомъ 21 апрѣля (въ четвергъ), въ полдень и пробудетъ въ немъ 2 часа. Посѣтивъ св. Лавру и производя смотръ войскамъ на эспланадѣ, **Его Величество** изволитъ немедленно выѣхать.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ 13 (25) апрѣля напечатано Высочайшее повелѣніе объ объявленіи на военномъ положеніи бессарабской губерніи, приморскихъ уѣздовъ херсонской, таврической губерніи и Крыма. 13 апрѣля проѣхали чрезъ Кіевъ воспитанницы одесскаго института благородныхъ дѣвицъ перевозимыя въ Москву и Петербургъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ» 1877 г.

по этому поводу дипломатіи и успокоительный отвѣтъ Симеони.—Ватиканское преданіе.—Смерть кардинала Патрици.—Вопросъ объ отмѣнѣ избирательной конклавы.—Назначеніе папъ папами не противорѣчитъ новѣйшей римской догматикѣ.—Итальянское правительство и новые церковно-политическіе законы.—Испанія и вопросъ о религіозной терпимости.—Современные клерикалы Испаніи ушли не далеко отъ временъ инквизиціи.—*С. Е. С.*

IX. Текущая хроника. (Основанія для проекта устава общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ с.-петербургской духовной академіи —Новыя свѣдѣнія о новокрещенныхъ инородцахъ енисейской епархіи. (*Письмо въ редакцію*). *Прот. Александра Сулоцкаго* С. О. Бурачекъ (*Некрологъ*).

X. Замѣтки: Два письма покойнаго митрополита московскаго Филарета къ графу М. Н. Муравьеву и его супругѣ графинѣ П. В. Муравьевой.

XI. Объявленія.

Редакторъ-издатель священникъ *С. В. Протопоповъ*.

Подписка продолжается. Цѣна журнала *пять* руб. съ пересылкою (безъ пересылки 4 р.). Адресоваться: въ Редакцію дух. журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ.

Печатать дозволяется. 16 Апрѣля 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.